Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/FNOJGT
УДК 821.111 + 821.161.1.0
ББК 83.3(4Вел)53 +
83.3(2Рос=Рус)52

БРИТАНСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО В ПРЕДДВЕРИИ «РУССКОГО БУМА» 1910-х

© 2023 г. В.С. Сергеева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 28 февраля 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 08 апреля 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00450 «Целостность / фрагментарность: эстетика Л.Н. Толстого в философской критике и теории литературы первой трети XX в.» (https://rscf.ru/project/23-28-00450/)

Аннотация: Иностранная литература, как правило, входит в круг другой культуры, подчиняясь определенным закономерностям — в том числе готовности читателей в силу разных причин (политических, социальных, психологических и т. д.) воспринять именно те или иные ее составляющие. Отчасти эта раздробленность преодолевается усилиями переводчиков, комментаторов, исследователей, критиков; если интерес к чужой культуре достаточно силен, перед читателем предстает относительно связная, хотя и необязательно полностью достоверная, картина. Для англоязычных читателей на протяжении многих лет такой областью экзотического интереса была русская литература, сперва рассматриваемая как «полуварварская», а затем ставшая «высокой». С момента вхождения в круг чтения британцев произведений Л.Н. Толстого он сделался одной из культовых иноязычных фигур Великобритании. Рецепция Толстого включала несколько слоев: он воспринимался и как яркий представитель чужой культуры, во многом известной через стереотипные представления, и как великий наследник традиций европейского романа, и как прогрессивный общественный деятель, чье творчество обретало особый смысл в контексте политической борьбы, и как олицетворенный «отпор» французскому натурализму, и как религиозный философ, увлекший своим примером других. Выборочность восприятия — то, что попадало в поле зрения англоязычной аудитории в первую очередь, — помогает выявить специфику чтения Толстого в Британии.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, русская литература, английская культура, перевод, рецепция, критика.

Информация об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4693-7723

E-mail: yogik84@mail.ru

Для цитирования: *Сергеева В.С.* Британская рецепция творчества Л.Н. Толстого в преддверии «русского бума» 1910-х // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 88–107. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

BRITISH RECEPTION OF L.N. TOLSTOY'S WORKS IN THE THRESHOLD OF "RUSSIAN BOOM" OF THE 1910s

© 2023. Valentina S. Sergeeva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: February 28, 2023
Approved after reviewing: April 08, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Acknowledgements: This paper was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00450 "Wholeness / Fragmentation: Leo Tolstoy's Aesthetics in Philosophical Criticism and Theory of Literature in the First Third of the 20th Century" (https://rscf.ru/en/project/23-28-00450/).
Abstract: Foreign literature usually enters the field of the other culture obeying certain rules, including readers' willingness, due to various reasons (political, social, psychological, etc.) to receive just these or those components. Such fragmentation, more or less, is overcome by the efforts of translators, commentators, researchers, critics; if the interest in the other culture is strong enough, the reader sees a relatively coherent picture, though not necessarily it is absolutely true. For many years Russian literature, first regarded as semi-barbarous and then considered to be high, was such an area of exotic interest for the English-speaking readers. Having entered the British range of reading, Leo Tolstoy became one of the cult foreign figures in the United Kingdom. Tolstoy's reception included several layers: he was read as a bright representative of a foreign culture mainly known through stereotypes, as a great heir of the tradition of the European novel, as a progressive social activist whose creative work achieved the special meaning in the course of the political struggle, as the personified rebuff to the French naturalism and as an earnest religious philosopher leading the others by his example. Selective reception, namely, what caught the eye of the English-speaking auditory first of all, helps us reveal the specifics of the reading of Tolstoy's works in Britain.
Keywords: L.N. Tolstoy, Russian literature, English culture, translation, reception, critics.
Information about the author: Valentina S. Sergeeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4693-7723
E-mail: yogik84@mail.ru
For citation: Sergeeva, V.S. "British Reception of L.N. Tolstoy's Works in the Threshold of 'Russian Boom' of the 1910s." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 88–107. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107

Хорошо известна фраза англо-американского писателя, критика и переводчика Джона Курноса: “The Russian boom was on” («русский бум был в разгаре») [13, p. 281] применительно к ситуации 1910-х гг. в Британии, когда по ряду причин, как культурных, так и политических, произошел явный взлет интереса к России. Не последнюю роль здесь сыграл сенсационный успех «Русских сезонов» С.П. Дягилева, а также то, что в Первой мировой войне Россия и Великобритания стали союзницами; сама значимость происходящих событий, в которых обе державы выступали на мировой арене бок о бок, в некоторой мере определяла масштаб «бума»[1]. Впрочем, этот «русский бум» был не единственным; он отражал очередное (и, в свою очередь, не последнее) обращение англоязычного читателя и зрителя к русской культуре[2]. В 1910-е – начале 1920-х гг. русское искусство и литература потрясли британцев[3], однако один этап

1 Недаром фраза Дж. Курноса полностью звучит следующим образом: “Russia being an ally, the Russian boom was on”. Далее он замечает: «Все новое и оригинальное принималось с распростертыми объятиями». Тем не менее «новое и оригинальное» далеко не всегда было безусловно ново: так, не были беспрецедентными ни лекции по русской литературе и культуре, ни издания и переиздания русских классиков, ни даже попытки основать кафедры славистики в колледжах. Несомненной новинкой было вхождение в британский круг чтения самой современной русской литературы (например, творчества символистов, к которым британцы питали интерес уже не как к «классикам», а как к своим современникам). Однако такие авторы, как Толстой, Достоевский, Тургенев, в Британии были уже хорошо известны, выдержали не одно издание и активно обсуждались на протяжении многих лет.

2 Так, в 2007 г. “The Art Newspaper”, описывая ажиотаж на европейских аукционах в связи с крупными поступлениями русской живописи, употребляет понятие Russian boom. Художник С.Н. Файбисович отмечал, что «русский бум» произошел в 1980–1990-х гг. (см., например: [8]).

3 Трудно переоценить эффект, произведенный русской культурой на таких писателей, как Д. Голсуорси, С. Моэм, Г. Уэллс, Д.Г. Лоуренс, Т.С. Элиот, В. Вулф и др. В частности,

осмысления не отменял предшествующие. Говоря о Толстом в контексте «русского бума», мы говорим скорее о череде «бумов» — о восприятии Толстого при последовательной смене волн интереса к русской культуре. Важные события внутренней и внешней политики России, оказавшиеся в фокусе внимания англичан, как правило, сопровождались не только комментариями в прессе, но и новыми переводами художественной литературы, трудами по истории и экономике России, публичными лекциями и т. д. Иными словами, «русский бум» предстает как более или менее протяженный феномен, объясняющийся регулярными, хоть и не всегда позитивными контактами двух стран.

Важной представляется британская рецепция Толстого в ее развитии: от особенно не примечательного писателя из загадочной полуварварской страны к великому литературному мастеру, признанному гением при жизни. Отношение к Толстому Д. Голсуорси, Д.Г. Лоуренса, В. Вулф и прочих во многом было подготовлено рубежом XIX–XX вв., и восприятие Толстого отражало определенные закономерности восприятия русской литературы в целом.

Усвоение художественного произведения другой культурой всегда связано с преодолением определенного порога. Процесс вхождения Л.Н. Толстого в круг английского чтения очень показателен; во-первых, оказавшиеся перед критиками, переводчиками и читателями произведения были оторваны от контекста русской культуры, как художественной, так и бытовой, не считая общей «экзотичности», из которой этот контекст преимущественно и состоял для иностранной аудитории. Во-вторых, переведенные произведения неизбежно предстают как элементы, отделенные от корпуса произведений автора (что влияет на возможность адекватного восприятия продолжающихся тем, повторяющихся образов, концепций). В-третьих, свой вклад в «отчуждение» произведения волей-неволей вносит и перевод. Так, «доместизирующие» переводы Констанс Гарнетт[4] вводили

Голсуорси в своем эссе 1927 г. «Двенадцать книг — и почему» назвал «Анну Каренину» и «Войну и мир» в числе лучших образцов мировой прозы и процитировал Арнольда Беннета, полагавшего, что двенадцать лучших романов в мире принадлежат перу русских авторов. Подробнее см., например: [7].

4 С 1894 по 1934 гг. Гарнетт перевела почти весь корпус русской классической литературы — Достоевского, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Герцена, А.Н. Островского, Чехова. Гарнетт придерживалась английских переводческих норм, ставивших во главу угла ясность

переводимый текст в пространство английской культуры, затушевывали особенности стиля, делали произведение привычным для читателя, выросшего на викторианской литературе.

Иноязычное произведение оказывается фрагментом, вырванным из своей среды, с невозможностью (более или менее полной) эту фрагментарность компенсировать[5]. Контекст можно восстановить отчасти, если культура, к которой принадлежит произведение, становится объектом интереса. Однако чем объясняются эти вспышки интереса и как внутренние мотивы читателя и критика влияют на восприятие произведения?

Самый ранний и, быть может, естественный взгляд на Толстого — это взгляд на представителя далекой экзотической страны. Толстой воспринимался в контексте общих стереотипов о «восточных варварах», «оседлых монголах» и т. д. Избирательность восприятия прямо связана со стереотипичностью: в английской культуре представление о России и русских во многом складывалось из отдельных «картинок». Это журнальные карикатуры, эксплуатирующие, в том числе, знаменитый образ «русского медведя», иллюстрации, фотографии, далеко не всегда соответствующие действительности. Изображение «русских амазонок», якобы отправляющихся на войну, могло в действительности быть зарисовкой сербской свадьбы; иллюстрация к сказке про сварливую жену могла сопровождаться комментарием, что в суровые зимы русские крестьяне, жалея лошадей, запрягают в сани супруг.

«Чужому» автору, чьи достоинства были пока еще не очевидны читателям, предстояло доказывать свою пригодность для чтения. Так, автор рецензии на «Детство» и «Отрочество» (перевод, далеко не удачный, был выполнен в 1862 г. немецкой писательницей Мальвидой фон Мейзенбуг, воспитательницей детей Герцена) был шокирован откровенным изображением недостатков и слабостей отца Николеньки; для викторианской культуры такой подрыв отцовского авторитета был неприемлем. Формально путь Толстого в Англии начался в 1879 г. со статьи в журнале *Nineteenth Century*; статья, главным образом, представляла пересказ «Войны и мира», и основной причиной для похвалы британского рецензента стала достоверность

языка и неброскость стиля. В этом, в частности, ее обвинял И. Бродский: «Причина, по которой англоязычные читатели едва ли могут отличить Толстого от Достоевского, заключается в том, что они не читали ни того и ни другого. Они читали Констанс Гарнетт» [6].

5 Об этой проблеме применительно к переводам Достоевского см.: [2].

картин, изображаемых Толстым, правдивый анализ характеров солдат и крестьян [11, p. 651]. Автор рецензии упоминает также «Севастопольские рассказы»; очевидно, что для него Толстой — хороший писатель-баталист, повествующий о важных исторических событиях, о которых англичане также осведомлены. Здесь вставал вопрос: воспринимать ли Толстого как «типичного представителя» своей культуры или как нечто выдающееся, и если да — то на каком основании? Так или иначе от творчества Толстого оставались «точки», между которыми английский читатель был волен проводить линии, как ему вздумается, самостоятельно (или с помощью рецензентов) определяя, что важно, а что неважно[6].

Комментарий, которым переводчик и биограф Толстого Эйлмер Мод предварил издание трактата «Что такое искусство?» (1904)[7], был необходим. Представления о русских крестьянах, преимущественно почерпнутые из ранних травелогов, нередко представляли мозаику фактов и предубеждений. Так, путешественник Джон С. Максвелл (1848) писал о русском крестьянине: «Его физическая сила невелика, но пассивное противостояние лишениям и усталости, упрямство при самых жестоких и болезненных наказаниях почти невероятны» [25, p. 125]. Другие наблюдатели утверждали, что «московиты» ленивы, склонны к пьянству и мотовству. Шотландский врач Роберт Лайалл отмечал, что «русские крестьяне находятся на первой, или земледельческой стадии цивилизации, следовательно они не в состоянии варварства» [23, p. 40]. Однако он признавал, что Россию не следует сравнивать с другими европейскими странами — «Россию нужно сравнивать с самой Россией в разные эпохи» [23, p. iv].

Мод пишет:

6 Такого рода рецензии, зачастую без подписи, представляются нам особенно ценными как отражение вкусов и предпочтений «среднего читателя». Если крупные исследователи и критики, наподобие Мэтью Арнольда, могли сформировать восприятие того или иного автора и предложить публике новый ракурс, то многочисленные безымянные статьи и отзывы в британских газетах и журналах скорее фиксировали, чем формировали отношение.

7 Преимуществом Эйлмера и Луизы Мод было то, что они долго жили в России и общались с Толстым. Впервые Э. Мод обратился к творчеству Толстого в 1897 г., когда полностью, без купюр и поправок, сделанных русским цензором, перевел трактат «Что такое искусство?». В 1898 г. Мод отправился в Квебек вместе с духоборами, поддерживаемыми Толстым, а после возвращения в Англию близко общался с членами толстовской общины в Эссексе. В 1902 г. Толстой дал Моду разрешение написать свою биографию.

> Классовые отличия, о которых постоянно упоминает Толстой, нуждаются в некоторых пояснениях. Положение низших сословий в Англии и в России различно. В России гораздо больше людей страдает от голода; положение заводских рабочих гораздо хуже, чем в Англии, и есть много вопиющих случаев жестокости по отношению к крестьянам со стороны чиновников, полиции и военных. При этом в России больше людей живет в деревне, у крестьянина обычно есть собственный дом, и он обрабатывает свой участок общинной земли. <…> Английские труженики, с другой стороны, не так бедны, и у них больше прав; но немало их живет в городах и занимается неестественным делом. Даже те, кто соприкасается с природой, как правило, просто наемные работники <…>. Тирания петербургской бюрократии более драматична, но менее вездесуща — и, вероятно, менее губительна для способности воспринимать искусство, чем тирания нашего респектабельного, самодовольного, любящего собственность среднего класса [24].

Чем оказывается подобный комментарий — вынужденным упрощением или важным подспорьем для читателя, который иначе рискует заблудиться в незнакомом материале? Эйлмер Мод по сути растолковывает и распространяет идеи Толстого — не просто дает английскому читателю необходимый комментарий, но заставляет его обратиться к тем же темам, только на английском материале (положение труженика, жизнь в деревне, отношения работников и хозяев и т. д.). Мод проводит вполне ясные параллели — упоминает Бернса, Беньяна, Морриса, Рескина, знакомых англоязычным читателям, а кроме того, выстраивает систему значимых, на его взгляд, философских сочинений Толстого. К ним он прибавляет «Крейцерову сонату» («неразрывно связанную с тем пониманием жизни, которое внушает Толстому преклонение перед Христом, Буддой и Франциском Ассизским» [24]). Все эти произведения объединены такими ключевыми идеями, как религия, правительство, собственность, война, отношения людей друг к другу, к собственной совести и к Богу. С одной стороны, Толстой описывает то, что английскому читателю непривычно и, может быть, непонятно, — и в этом он остается иностранным автором и должен восприниматься как таковой, — а с другой — он оказывается универсален, несмотря на все отличия.

Сходным образом в 1900 г. журналу *Anglo-Russian* пришлось защищать роман «Воскресение» от обвинений в непристойности. Эти обвине-

ния, по мнению обозревателя, дышали «английскими предубеждениями и условностями». Напоминая о разнице культур, он писал:

> Ошибка, которую совершают критики и массовый английский читатель, заключается в том, что они берутся за книгу русского автора <...> забывая, что характеры и язык на берегах Невы не такие, как на берегах Темзы. <...> Некоторые слова, которые присутствуют во всех английских словарях и частенько значатся на вывесках портных, более не в ходу в порядочном английском обществе <...> но при этом нас не смущает, что толпы британцев обоего пола посещают общественные купальни и часами глазеют на тех, кто щеголяет без «невыразимых». В русском обществе слово «брюки» употребляют без малейшего смущения, зато русские сочли бы нескромным любоваться их отсутствием [27, p. 377–378].

Еще один важный этап восприятия Толстого состоялся в контексте дискуссий о традициях классического европейского романа. Толстой, Тургенев и Достоевский в представлении британцев оказались поначалу тесно связаны с течением французских натуралистов, в первую очередь с Золя и Бальзаком, к которым питомцы викторианской культуры относились критически. В 1870–1880-х гг. с произведениями Толстого («Анной Карениной», «Войной и миром») английские читатели знакомились в первую очередь во французских переводах. Путь русского реализма в английской рецепции оказался в том числе связан с отграничением от реализма французского — и все это в викторианской атмосфере, полной споров об искусстве и нравственности. Французские переводы «Войны и мира» и «Анны Карениной» стали предметом живого обсуждения в критике, старавшейся отделить реализм Толстого от реализма современных ему французских романистов. Толстой провозглашался носителем высшего реализма — психологического и духовного, — а не только кропотливым выписывателем бытовых деталей. Убедительность, которую отмечал еще автор рецензии в *Nineteenth Century* в 1879 г., воспринимается уже не как простая верность фактам. Обозреватель *Saturday Review* превозносил мастерство, с которым Толстой изображает «чувства отдельно взятого солдата, страсть и возбуждение, ужас и ярость» [12, p. 23]. *Spectator* назвал «Войну и мир» произведением, пронизанным духом терпимости и вызывающим у читателя сочувствие силам добра. «Это

не отвратительный реализм современной французской школы, который, кажется, состоит по большей части в вытаскивании на свет постыдных сторон человеческой натуры, которые долг обязывает нас скрывать» [30, р. 202].

В полемику на страницах *Fortnightly* вступил Мэтью Арнольд — авторитетный критик и философ культуры; его высказывания во многом сформировали отношение к Толстому в Англии. В эссе «Граф Лев Толстой» он объявил, что наследником великой традиции романа в мировой литературе стал русский роман. Французский роман, поначалу заинтересовавший английского читателя широтой и смелостью социальной проблематики, утратил былую привлекательность. «Анна Каренина», по Арнольду, стоит выше стилистически совершенной французской прозы, даже такого шедевра, как «Госпожа Бовари», поскольку роман Флобера выражает лишь «омертвленные чувства» [9, р. 276] — горечь, иронию, бессилие. Обилие персонажей в «Анне Карениной» — пишет Арнольд — не должно пугать читателя, пусть даже оно нарушает единство действия и идеи. «“Анну Каренину” следует воспринимать не как художественное произведение, а как кусок жизни. Это и есть кусок жизни. Автор ничего не изобретал и сочинял, он это видел; все это произошло перед его мысленным взором» [9, р. 260].

Хэвлок Эллис предложил в качестве «точки отталкивания» не французский роман, а английский, заметив, что русский роман ему во многом противоположен. Английский романист, по Эллису, в основном уделяет внимание построению сюжета, а не персонажам. Для русского писателя человеческое существо священно, неизменно интересно; он устремляет «пристальный взгляд на все, что есть в человеке, физически и духовно, слабого, гнусного, извращенного, непривлекательного, однако в этом <...> находит больше поводов для любви, чем для презрения» [17, р. 425][8].

Количество откликов на русский реализм заметно выросло в 1888–1890 гг. *London Quarterly* приписывал этот растущий интерес новым переводам Гоголя, Тургенева, Пушкина, Достоевского, Толстого — писателей, принадлежавших либо наследовавших эпохе Байрона, Диккенса, Теккерея и не затронутых, в отличие от французов, «странной слепотой души, которая делает неразличимой добродетель; они не кладут порок под микро-

8 Хэвлок Эллис известен в первую очередь как врач; тем не менее в 1890 г. он выпустил книгу очерков «Новый дух» (The New Spirit), посвященную великим личностям, изменившим мир. Одним из героев книги был Л.Н. Толстой [18].

скоп, чтобы представить нам его чудовищно увеличенный образ» [31, p. 57]. Тайна жизни, любовь к человеку, борьба добра и зла — вот, по мнению обозревателя, основные темы, привлекающие русских реалистов. Толстой признавался первым из современных романистов, в том числе благодаря торжествующей власти духовного начала; его сила заключалась в стремлении видеть и отражать жизнь и не сторониться ее тайн.

> Его искусство так широко, насыщенно и правдиво, что он, очевидно, способен сыграть для своей страны роль Шекспира и Бальзака. Он ничего не упускает, описывает все с одинаковым спокойствием и простодушием <...>. У него нет яростного нигилизма нормандца [Флобера]. Он просто подносит жизнь к свету и говорит: вот какова она [18, p. 250].

Для английской критики, как мы видим, становится важным подчеркнуть, что Толстой — не Золя, не Флобер и не Бальзак; реализм Толстого тесно связан с религией, с темой человеческих верований, упований, желаний. Толстой, в противоположность писателям натурализма, не ударяется в крайности, изображая жестокое или отвратительное; его тема — благородство и красота человеческой души.

Кроме того, важным элементом в британской рецепции Толстого было его восприятие как социального деятеля. Политические флуктуации, несомненно, в той или иной мере подогревали интерес к России и русским общественным движениям. Победа Александра I над Наполеоном и его визит в Лондон в 1814 г. не вызвали особенного ажиотажа, за исключением отголосков в моде[9], однако вышедший в 1821 г. том «Российская антология: стихотворения русских поэтов» Джона Бауринга удостоился теплого приема. Обозреватель *Edinburgh Review* писал: «Просто удивительно, что такие изящные стихи могли родиться на диких берегах Дона и Волги» [16, p. 323]. Не зная русского языка, Бауринг брал за основу подстрочники и превращал их в стихотворные переложения; успех изданий Бауринга привел к тому, что русская литература стала предметом интереса, пускай поначалу умеренного.

В эпоху правления Николая I «русофилия» сменилась враждебностью; британская реакция на такие события, как подавление польского

9 Платье «в русском стиле» принцессы Шарлотты, брюки «казаки» (Cossacks) и т. д.

восстания в 1830 г., отличалась небывалой горячностью. Антироссийские настроения, несмотря на некоторое политическое сближение в 1840-х гг., достигли кульминации во время Крымской войны. Реакция, контрреформы, возрастающее давление на университеты и прессу, преследование национальных меньшинств в эпоху Александра III также находили отражение в английской литературе и публицистике. Англо-русское литературное общество, основанное в 1893 г., было вынуждено заявить, что «в английской литературе и журналистике преимущественно муссируется все мрачное, печальное и трагическое в русской жизни <...> однако не все в этой стране принадлежат к тайному обществу или навеки ссылаются в Сибирь» [3, p. 22][10].

Англичан увлекали сенсационные аспекты революционной деятельности в России (тайные организации, взрывы, «нигилизм»). Начало было положено Оскаром Уайлдом в пьесе «Вера, или Нигилисты» (1880), посвященной Вере Засулич. Появляются романы — «Принцесса нигилистов» и «Нарка-нигилистка», Мэри Элизабет Хокер пишет повесть «Мадемуазель Икс» (1891), выходит книга знаменитого автора «для юношества» Дж. Генти «Приговоренный нигилист, или Побег из Сибири» (1893). Примечательно, как главный герой этой повести отстаивает перед своими русскими собеседниками достоинства конституционной монархии, старинных английских свобод и прав личности. Несомненно, социальные различия двух монархий осознавались очень остро, позволяя британским авторам изображать Россию как отсталую деспотическую державу. Великобритания и Россия регулярно оказывались соперницами и на политической карте: в частности, конфликт «прогрессивной» и «непрогрессивной» монархий усугублялся столкновением интересов в Азии («Большая игра»). В 1885 г. Россия аннексировала часть Афганистана (так называемый бой на Кушке), и оба государства оказались на грани войны[11].

10 На это фрагментарное восприятие сетовала поэтесса и критик Роза Ньюмарш: «Наше любопытство в том, что касается России, зачастую нездорово, а легковерие прискорбно. Каждое отдельное преступление, каждое незначительное волнение <...> проникает в наши газеты, тогда как мы напрасно ищем более широких и точных сведений» [26, p. xi–x].

11 Русско-японская война вновь поставила Британию и Россию по разные стороны (Британия состояла в союзном договоре с Японией). В 1907 г., после заключения англо-русской конвенции, наступил период мира, продолжавшийся вплоть до революции 1917 г. Политические колебания находили отражение в популярной литературе: так, Ф.С. Бретон, автор приключенческих повестей для мальчиков, в 1902 г. написал «Отважный гренадер»

Критика чуждого общественного строя могла не «отменять» чужой культуры, но вносить в ее восприятие некоторые нюансы. Русские изгнанники в Лондоне играли важную роль не только в области революционной пропаганды — они также подкрепляли интерес британского общества к русской литературе. В 1850–1860-е гг. в Лондоне жил Герцен, затем Огарев; в Англию приезжали такие именитые писатели, как Тургенев и Чернышевский, хотя круг их английских знакомых был узок. Следующий приток политических эмигрантов случился в 1880–1890-е гг. — в их числе были члены кружка Чайковского[12]. Анархист Петр Кропоткин активно издавал книги по политическим и экономическим вопросам, читал лекции о русской литературе (изд. в 1905 г.), подчеркивая роль Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого. По инициативе Кравчинского (Степняка) в 1890 г. было создано Общество друзей русской свободы, привлекшее ряд заметных британских деятелей. Среди близких знакомых Степняка была переводчица Констанс Гарнетт[13].

Толстой воспринимался как человек, бросивший вызов всесильным авторитетам — государству и церкви; его борьба с «подлинным безумием русской цензуры» [22, p. 31] вызывала сочувствие, а издание запрещенных толстовских произведений за границей — энтузиазм и надежду на торжество прогресса. Лекция Степняка о Толстом носила название «Граф Толстой как романист и общественный реформатор». Методистский священник Джон Колман Кенворти, увлеченный идеями Толстого, в статье 1902 г. «Пророки нашего века» представил русского писателя как своеобразного

(о бесстрашных британских солдатах в Крыму), в 1906 г. — «Японский солдат», а в 1916 г. — «С нашими русскими союзниками».

12 Ко времени переписи 1901 г. в Британии находилось больше шестидесяти тысяч бывших жителей Российской империи (считая поляков и евреев), а в 1881 г. — меньше четырех тысяч. Эта мощная социальная группа предложила новое критическое прочтение произведений русского реализма и включила литературу в продолжающуюся кампанию по обличению царизма. Организации наподобие Англо-русского литературного общества были вынуждены служить посредниками между двумя крайностями, от О.А. Новиковой, активистки Русской монархической партии, до журналов, организованных радикальными эмигрантами.

13 Однако приоритеты Гарнетт были в первую очередь эстетическими. Как и Мэтью Арнольд, она считала достижения русского реализма средством для противодействия французскому натурализму и оживления английского романа. Если литература русского критического реализма, с точки зрения радикальных общественных деятелей, изображала Россию слабо цивилизованным деспотическим государством, которое нуждалось в реформах, то Гарнетт давала понять, что современная английская литература уступает русской.

христианского социалиста, проводящего в жизнь библейскую заповедь о любви к ближнему — «те же принципы, которые нашли выражение в великом кличе Французской революции: свобода, равенство и братство» [20]. Р.Л. Лэтимер, автор книги «При трех царях: свобода совести в России» (1909), отметил: «Отлучение графа Толстого от греческой православной церкви знаменует важный этап в движении русского народа к свободе совести благодаря известному обращению писателя к царю с призывом сделать подданным этот бесценный дар» [21, p. 201].

Наконец, Толстой оказался интересен для британских читателей и как религиозный мыслитель, философ, проповедник. Английская литература, создававшаяся в иных социально-политических условиях и ориентированная, как было верно замечено Э. Модом, на респектабельный средний класс, занимала в культуре свою нишу, не претендуя на роль «учительницы жизни». Более того, переводы религиозных сочинений Толстого появились в Британии практически одновременно с переводами романов — для английского читателя Толстой-художник и Толстой-философ не были так разительно отдалены друг от друга, творческий путь длиной в десятилетия предстал сконцентрированным. В результате Толстого восприняли

> одновременно как пророка, философа, учителя, социального критика и необычного писателя, в значительно большей мере сосредоточенного на социальных, философских, религиозных, политических проблемах, чем романист английский. Любимый толстовский персонаж — помещик, пытающийся понять смысл жизни, тяготившийся своим богатством и привилегиями — оказался новым для англичан типом личности. <...> В 1890 г. в журнале «Темпл бар» один из читателей высказал свое мнение о книге «Так что же нам делать?»: «После ее чтения ощущаешь себя уже не англичанином или русским, а просто человеком, глубоко взволнованным, с пробудившейся совестью» [1, с. 11].

Помимо исторических событий, описаний природы и собственно художественных достоинств текста английских читателей впечатляла моральная и философская сторона творчества Толстого.

> Перед нами во всей своей красе великий иконоборец, суровый цензор праздности, кровопролитий, роскоши, лицемерия, всего, что противопо-

ложно учению Христа. Толстой как будто говорит: «Я неразрывно соединю простую и понятную историю, которую мне хочется написать, с простой и понятной проповедью, которую вам неинтересно читать». Поскольку сама жизнь назидательна, произведение становится ее отражением... [29, p. 255].

Таким образом, к концу века литературная репутация Толстого прочно установилась: его реализм, насыщенный религиозным содержанием, был признан высоким, даже если собственно философское учение вызывало сомнения. Отношение критиков и публики до некоторой степени можно подытожить цитатой из статьи писателя-руралиста Гарольда Мэссингема «Философия святого» в *Contemporary Review*:

> Попытке осмыслить «христианство в чувствах и действиях» посвящены жизнь графа Толстого и его интеллектуальное и художественное творчество — попытке, которая привела его, как и его Владыку, к столкновению со всеми установленными авторитетами современного мира. <...> Он одновременно обвиняет и утешает. С Толстым и такими людьми, как Толстой, Свет приходит в мир, и мы чувствуем, что в его священных лучах повседневная человеческая жизнь преображается и растворяется [14, p. 547].

Уильям Томас Стид, редактор *Pall Mall Gazette*, побывал в Ясной Поляне и затем объявил, что «толстовство» (Tolstoyism) превосходит все литературные границы.

> Духовная автобиография графа [Толстого], — в восторге писал Стид, — когда я ее читал, представлялась мне самой интересной религиозной книгой нашего поколения. <...> Я давно считал, что следующая великая волна религиозного возрождения, которая повлияет на развитие Европы, поднимется в России. Здесь, в сердце России, возник учитель, который встал на вершине культуры своего поколения и провозгласил на странном языке древние слова Ecce homo! [28, p. 405]

Стид попытался представить Толстого «сверх-христианином»; поворот, который произошел с Толстым после 1880-х гг., очевидно не смутил его, в отличие от тех читателей, которых разочаровало преобладание мо-

ралиста-проповедника над художником. Писатель и журналист Э.Дж. Диллон, который с позволения Толстого поместил в *Universal Review* пересказ «Крейцеровой сонаты» (сильно сократив философские рассуждения), отметил, что читатели разделились на два лагеря. Одни приветствовали это произведение как «новое Евангелие, великолепно приспособленное к нуждам современности», а другие восприняли его «как отвратительно реалистическую повесть, недостойную даже упоминания среди порядочных членов общества» [15, p. 293]. В любом случае, «обращение» Толстого воспламенило воображение англичан. Критика исследовала «толстовство» и одновременно обсуждала желание Толстого сделать свои произведения орудием социальной и религиозной полемики. Джордж Бернард Шоу писал в рецензии на книгу Эйлмера Мода, называя ее «смесью панегирика с апологией»:

> Он [Толстой] нарядился в платье мужика, точь-в-точь как Дон Кихот надел рыцарские доспехи. <…> Когда толстовская колония делала из себя посмешище для богов и людей — не потому что организовывала помощь голодающим, а потому что приводила сытых к обнищанию — у него так и не пробудилась ирония; он убеждал себя (а иногда даже колонистов), что плохо лишь то, что они недостаточно сумасбродны. В целом, приходится заключить, что воспитание Толстого имело один серьезный и неустранимый недостаток: ему никогда не приходилось работать и зарабатывать себе на жизнь. <…> В результате Эйлмер Мод вынужден говорить: этот человек так велик, так впечатляющ, что я должен признать его своим вождем даже в тех вещах, в которых он, по сравнению со мной, дитя [10, p. 255, 258][14].

Однако в целом английская критика признавала, что у Толстого, более чем у других романистов, есть право проповедовать читателю. Даже самые резкие рецензенты с уважением отмечали, что Толстой верен собственным

14 В 1908–1910 гг. Б. Шоу и Л.Н. Толстой вступают в переписку. Л.Н. Толстой читал не только пьесы Б. Шоу, но и его публицистические работы, в частности очерк «Неприемлемость анархизма». В декабре 1906 г. Шоу передал Толстому текст пьесы «Человек и сверхчеловек». Однако Толстой не принял материалистических воззрений Шоу и его «несерьезности»; Шоу, в свою очередь, оспаривал метод толстовской критики Шекспира, полагая, что она обессмысливает художественное произведение. Тем не менее он признавал огромную значимость Толстого.

принципам. Восторжествовало мнение Мэтью Арнольда, который полагал, что религиозные сочинения Толстого не так ценны, как художественные, однако выражал поддержку позиции русского писателя. Можно сказать, до конца дней Толстой продолжал внушать английским критикам надежду, что увлечение проповедничеством однажды пройдет, и он вновь напишет подлинно художественное произведение.

В Британии возникло несколько толстовских общин (самыми влиятельными представителями английского толстовства были Эйлмер Мод, Перси Редферн, Эдвард Карпентер и др.). Учение Толстого вызывало интерес у неортодоксально настроенных людей из самых разных кругов. Джон Колман Кенворти создал в Кройдоне в 1894 г. Церковь Братства, а затем стал одним из основателей толстовской общины в графстве Эссекс. Его «Братское издательство» сыграло важную роль в распространении произведений Толстого. Журналисты, писатели, ученые искали в русской литературе одновременно «спасительную крестьянскую мудрость Степей» и привычный «образ викторианского мудреца и пророка вроде Карлайла и Рескина» [4, p. 7, 6].

Образ России представал расколотым: от варварства, жестокости и нецивилизованности — к высокой мудрости и образцовому христианству. На страницах «Свободной России» — журнала, редактируемого Степняком-Кравчинским, — русские крестьяне приобретали привлекательный облик. Степняк писал о феноменальном росте массовой грамотности, развитии самосознания, появлении в России новой массовой литературы. Всего за одно поколение, по словам Степняка, земледельцы стали «учредителями библиотек, чтецами, авторами книг для крестьянства, даже популярными лекторами по научным вопросам» [5]. Инстинктивное чувство братства, присущее деревенской общине, представало как средство борьбы с разобщением, неизбежным в индустриальной цивилизации.

В какой мере читали Толстого ради самого Толстого? Романист и критик Э.М. Форстер в 1915 г. предупредил английских читателей: «Русская литература вряд ли станет [для нас] сама собой, пока мы не перестанем искать в ней русский дух. Мы по-прежнему читаем ее ради информации, так же, как читали французскую литературу ради сведений об их местном продукте — la femme» [19, p. 373]. На протяжении второй половины XIX в. и в начале XX в. Толстой и русская культура в целом в английской рецеп-

ции сперва дробятся, а затем как будто складываются из фрагментов заново в привычную и понятную читателю картину (например, в контексте европейского романа, социальной критики и т. д.) — или же картину непонятную, но осознаваемую как «экзотичная», а значит также в какой-то мере ожидаемую.

Список литературы

Исследования

1 *Красавченко Т.Н.* Лев Толстой в пространстве британской культуры // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 3 (38). С. 9–42.

2 *Сергеева В.С.* О некоторых переводах эпиграфического комплекса «Из поэзии Н.А. Некрасова» («Записки из подполья») // «Записки из Подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 123–141.

3 A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture / ed. by A. Cross. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. 348 p.

4 *Davie D.* Introduction // Russian literature and modern English fiction: A Collection of critical essays / ed. by Davie D. Chicago. London: University of Chicago press, 1965. P. 3–17.

5 *Peaker C.* We are not Barbarians: Literature and the Russian Émigré Press in England, 1890–1905 // Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century. 2006. № 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/276842100_We_are_not_Barbarians_Literature_and_the_Russian_Emigre_Press_in_England_1890-1905 (дата обращения: 20.02.2023).

6 *Remnick D.* The Translation Wars // The New Yorker. 2005. November 7. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2005/11/07/the-translation-wars (дата обращения: 25.02.2023).

7 *Soboleva O., Wrenn A.* From Orientalism to Cultural Capital: The Myth of Russia in British Literature of the 1920s. Oxford: Peter Lang AG, 2017. 338 p.

Источники

8 *Файбисович С.* Два эссе // Знамя. 2007. № 11. URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=3433 (дата обращения: 20.03.2023).

9 *Arnold M.* Count Leo Tolstoy // Essays in Criticism. London: Macmillan and Co, 1911. P. 253–299.

10 Bernard Shaw's Book Reviews: 1884–1950: in 2 vols. University Park: Penn State Press, 1991. Vol. 2 / ed. by B. Tyson. 588 p.

11 Count Leo Tolstoy's Novels // Nineteenth Century. 1879. V. April. P. 650–669.

12 Count Tolstoy's Novels // Saturday Review. 1887. LXIII. Jan. 1. P. 23–24.

13 *Cournos J.* Autobiography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1935. 344 p.

14 *Decker C.* Victorian Comment on Russian Realism // PMLA / Publications of the Modern Language Association. 1937. Vol. 52, № 2. Jun. P. 542–549.

15 *Dillon E.J.* The Kreutzer Sonata // Universal Review. 1890. VI. March. P. 293–311.

16 Doctor Bowering's Poetical Translations // Edinburgh Review. 1830–1831. № 70. P. 322–325.

17 *Ellis H.* The Genius of Russia // Contemporary Review. 1901. LXXX. P. 419–433.

18 *Ellis H.* The New Spirit. New York: Houghton Mifflin, 1926. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/55878/pg55878-images.html (дата обращения: 15.02.2023).
19 *Forster E.M*. Short Stories from Russia // New Statesman. 1915. 24 July. P. 373–374.
20 *Kenworthy J.C.* Prophets of the Century: Leo Tolstoy. 1902. URL: https://www.marxists.org/archive/tolstoy/about/1902/prophets-of-the-century-tolstoy.html (дата обращения: 20.03.2023).
21 *Latimer R.S.* Under three tsars: liberty of conscience in Russia, 1856–1909. London: Morgan and Scott, 1909. 244 p.
22 Literature and Art // Anglo-Russian. 1897. September. P. 31.
23 *Lyall R.* The character of the Russians and a detailed history of Moscow. London: T. Cadell, 1823. 639 p.
24 *Maude A*. Introduction // Leo Tolstoy. What is Art? New York: Funk and Wagnalls Company, 1904. URL: https://www.gutenberg.org/files/64908/64908-h/64908-h.htm (дата обращения: 14.02.2023).
25 *Maxwell S.J.* The Czar and His People. London: T. Nelson, 1854. 200 p.
26 *Newmarch R.* Poetry and Progress in Russia. London; New York: J. Lane, 1907. 116 p.
27 *Prelooker J.* Russia in Tolstoy's Latest, Reflections on "Resurrection" // Anglo-Russian. 1900. June. P. 377–379.
28 *Stead W.T*. Truth About Russia. London: Cassel and Co, 1888. 464 p.
29 Tolstoy's New Novel // Academy. A weekly review of literature and life. 1899. LVII. Sept. 9. P. 255–256.
30 Tolstoy's *War and Peace* // Spectator. 1887. LX. Feb. 5. P. 202–205.
31 Two Russian Realists // London Quarterly Review. 1888. LXX. P. 55–73.

References

1 Krasavchenko, T.N. “Lev Tolstoi v prostranstve britanskoi kul’tury” [“Leo Tolstoy in the Space of British Culture”]. *Chelovek: obraz i sushhnost’. Gumanitarnye aspekty*, no. 3 (38), 2019, pp. 9–42. (In Russ.)

2 Sergeeva, V.S. “O nekotorykh perevodakh epigraficheskogo kompleksa ‘Iz poezii N.A. Nekrasova’ (‘Zapiski iz podpol’ia’)” [“About Some Translations of the Epigraphic Complex ‘N.A. Nekrasov’s Poem’ (‘Notes from Underground’)”]. Gal’tsova, E.D., editor. *“Zapiski iz Podpol’ia” F.M. Dostoevskogo v kul’ture Evropy i Ameriki* [*F.M. Dostoevsky’s “Notes from Underground” in European and American Culture*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 123–141. (In Russ.)

3 Cross, Anthony, editor. *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge, Open Book Publ., 2012. 348 p. (In English)

4 Davie, Donald. “Introduction.” Davie, Donald, editor. *Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1965, pp. 3–17. (In English)

5 Peaker, Carol. “We are not Barbarians: Literature and the Russian Émigré Press in England, 1890–1905.” *Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century*, no. 3, 2006. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276842100_We_are_not_Barbarians_Literature_and_the_Russian_Emigre_Press_in_England_1890-1905 (Accessed 20 February 2023). (In English)

6 Remnick, David. “The Translation Wars.” *The New Yorker*, november 7, 2005. Available at: https://www.newyorker.com/magazine/2005/11/07/the-translation-wars (Accessed 25 February 2023). (In English)

7 Soboleva, Olga, and Angus Wrenn. *From Orientalism to Cultural Capital: The Myth of Russia in British Literature of the 1920s*. Oxford, Peter Lang AG, 2017. 338 p. (In English)